

ФЛАННЕРИ О'КОННОР

МУДРАЯ КРОВЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

О-11

Серия «Эксклюзивная классика»

Flannery O'Connor

WISE BLOOD

Перевод с английского *Н. Абдуллина*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Intercontinental Literary Agency Limited.

О'Коннор, Фланнери.

О-11 Мудрая кровь : [роман] / Фланнери О'Коннор ;
[пер. с англ. Н. Абдуллина]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2018. — 192 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-111129-8

Роман, который входит в список 100 лучших книг XX века. Вернувшийся с войны Хейзел Моутс одержим идеей изгнать Бога из своего сердца. Познакомившись с циничным проповедником Асой Хоуксом и его пятнадцатилетней дочерью, он основывает новую Церковь — без распятого Христа, где хромые не ходят, слепые не видят, а мертвые лежат в могилах. Но встреча с полубезумным Енохом Эмери, в жилах которого течет «мудрая кровь», заставляет Хейзела по-настоящему «прозреть»...

Трагикомическая сага об искуплении и воздаянии, лже-пророках и подлинной мудрости, кризисе веры и поисках пути.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Renewed by Flannery O'Connor, 1949, 1952, 1962

© The Estate of Mary Flannery O'Connor, 1990

Школа перевода В. Баканова, 2018

ISBN 978-5-17-111129-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Посвящается Регине

Примечание автора ко второму изданию романа

«Мудрой крови» исполнилось десять лет, и книга до сих пор жива. Собственно, этими словами мои критические способности и ограничиваются, но и на том спасибо. Книга написана с жаром, и читать ее, по возможности, следует так же.

«Мудрая кровь» — комедия о христианской борьбе воли, и она очень серьезна, как должна быть серьезна любая хорошая комедия, в которой поднимаются вопросы жизни и смерти.

Автор «Мудрой крови» — человек абсолютно несведущий в плане теории, однако натура очень увлеченная.

То, что для некоторых вера в Христа — вопрос жизни и смерти, стало значительным препятствием для аудитории, предпочитающей не воспринимать веру всерьез. Для них чистота Хейзела Мутса лежит в яростных попытках избавиться от «страшной, оборванной фигуры, переходящей от дерева к дереву и манящей Хейза за собою во тьму,

где не видно, что под ногами». Хейзел не способен совершить подобное, и в этом заключается его чистота для автора. Неужели же чистота человека — в его неспособности осуществить задуманное? По-моему, так дело и обстоит, поскольку свободная воля — это, как правило, конфликт многих волей в человеке. Свобода просто не дается. Она — тайна, которую книга (даже комедийная) может лишь углубить.

1962 год

Глава 1

Расположившись на зеленом плюшевом сиденье, Хейзел Моутс подался вперед. С минуту он глядел в окно, словно желая выпрыгнуть из поезда, а после обратил взор в проход, в другой конец вагона. Время от времени лес, через который ехал состав, расступался, и становилось видно солнце. Ярко-красное, оно висело в небе над самыми верхушками деревьев вдали. Чуть ближе изгибались, уходя в сторону, вспаханные поля, где рылись в земле кабаны, похожие на пятнистые камни.

Сидевшая напротив Хейза миссис Уолли Би Хичкок заметила, что ранний вечер — вот как сейчас — самое замечательное время дня. Затем эта пухлая коротконогая женщина в платье с розовыми оборками спросила, не согласен ли с ней Хейз.

Глянув на нее, попутчик вновь устался в проход. Женщина проследила за его взглядом, но заметила лишь ребенка в соседнем купе и проводника, открывавшего шкаф с ширмами.

— Полагаю, вы едете домой? — спросила женщина у Хейза.

Она присмотрелась к попутчику: на вид и двадцати лет не дашь, однако держит на коленях жесткую широкополую шляпу, уместную для пожилого деревенского пастора; костюм ярко-синего цвета, и на рукаве все еще сохранился ярлычок с ценой.

Молодой человек и в этот раз не ответил, продолжая смотреть в одну точку. У его ног лежал армейский вещмешок, и по нему женщина заключила: юноша возвращается домой с военной службы. Вот бы увидеть ценник, узнать, во сколько обошелся костюм... Неожиданно для себя она поняла, что пытается не разглядеть ярлычок, а заглянуть попутчику в глаза — карие, глубоко посаженные. Кожа плотно обтягивала череп, и это притягивало внимание.

Ощувив некоторое раздражение, женщина перевела взгляд на ярлык с ценой. Костюм стоил одиннадцать долларов и девяносто восемь центов. Удовлетворенная, миссис Хичкок успокоилась, вновь посмотрела на лицо молодого человека: нос — как клюв сорокопута, от уголков рта тянутся длинные складки, волосы как будто слежались от постоянного ношения шляпы. Однако больше остального внимание приковали к себе глаза. Они были посажены столь глубоко, что казались уходящими во тьму тоннелями. Миссис Хичкок подалась вперед, желая заглянуть в них. Внезапно молодой человек развернулся к окну и почти так же неожиданно перевел взгляд обратно, на проход. А смотрел он на проводника.

Когда Хейз только сел в поезд, проводник — плотный мужчина с крупной желтоватой лыси-

ной — стоял меж двух вагонов. Хейз остановился, и проводник взглядом указал ему на место в вагоне, куда следовало сесть. Хейз не шевельнулся, и негр раздраженно пояснил:

— Налево, налево.

Лишь тогда Хейз послушно проследовал в указанном направлении.

— М-да, — произнесла миссис Хичкок, — в гостях хорошо, а дома лучше.

Хейз посмотрел на плоское румяное лицо под шапкой рыжих волос. Женщина села в поезд две станции назад. Хейз ее прежде ни разу не встречал.

— Мне надо поговорить с проводником, — сказал он, встал и направился по проходу к проводнику, который в это время начал готовить спальные места. Остановившись рядом, молодой человек облокотился на ручку сиденья. Проводник, не обращая на него внимания, продолжал расправлять ширму.

— Долго ты готовишь одно купе?

— Семь минут, — не глядя на Хейза, ответил негр.

Присев на подлокотник, Хейз сказал:

— Я из Истрода.

— Ошиблись поездом. Вам на другую линию надо.

— Еду в город. Я лишь имел в виду, что родился в Истрode.

Проводник не ответил.

— Истрод, — громче повторил Хейз.

Задернув ширму, проводник произнес:

— Спальное место приготовить? Или что вам еще надо?

— Истрод, это рядом с Мелси.

Проводник опустил спальную полку с одной стороны.

— Я из Чикаго. — Опустив вторую полку, он нагнулся, и на шее у него проступили три мясистые складки.

— Ну да, заметно, — насмешливо ответил Хейз.

— Вы ноги в проход выставили. Кто-нибудь о них споткнется, — заметил проводник, резко разворачиваясь и проходя мимо.

Подскочив, Хейз выгнулся, будто подвешенный к потолку за веревочку.

Проводник двинулся в другой конец вагона, прекрасно удерживая на ходу равновесие. Хейз узнал его — черномазого по имени Паррум, из Истрода. Вернувшись к себе на место, Хейз ссутулился и поставил одну ногу на трубу, проходящую вдоль стенки, под окном. Разум его наполнился воспоминаниями об Истрод, постепенно перекинувшимися на внешний мир, заполнившими пространство вокруг поезда и дальше, над пустыми, погружающимися в сумерки полями. Хейз заметил два дома, и дорогу цвета ржавчины, и негритянские лачужки, и сарай, и стойло, на стене которого трепетал клочок красно-белого плаката с рекламой банковских услуг.

— Так вы домой едете? — спросила миссис Хичкок.

Кисло взглянув на нее, Хейз стиснул в пальцах поля шляпы.

— Нет, не домой, — ответил он с резким гнусавым теннессийским акцентом.

Миссис Хичкок поведала, дескать, и она — не домой. А еще — что она до замужества носила фамилию Уэзермэн и что сейчас направляется во Флориду к замужней дочери Саре Люсиль. И что прежде на столь длинную поездку времени никак не хватало: слишком быстро происходят события, сменяя друг друга, и жизнь летит с такой скоростью... Не поймешь, молод ты или стар.

Спроси миссис Хичкок — и Хейз ответил бы: да, мол, она старая. Через некоторое время юноша попросту перестал ее слушать. В проходе вновь появился проводник — прошел мимо и даже не взглянул на Хейза.

Миссис Хичкок успела забыть, о чем говорила.

— Похоже, вы и сами к кому-то в гости едете?

— Мне надо в Толкинге, — сказал Хейз, ерзя на сиденье и отворачиваясь к окну. — Никого там не знаю, но хочу проверить одно дельце. Никогда прежде такого не делал.

Искоса глянув на миссис Хичкок, Хейз криво улыбнулся.

Миссис Хичкок сказала, что знает в Толкинге-ме некоего Альберта Спаркса, зятя ее свояченицы, который...

— Толкингом — не мой дом, — перебил ее Хейз. — Я просто еду туда, вот и все.

Миссис Хичкок заговорила было снова, и Хейз опять перебил ее:

— Вон тот проводник — мой земляк. Хотя говорит, что родился в Чикаго.

Миссис Хичкок заявила, будто бы знает одного человека из Чи...

— Смотрю, вам все равно, куда ехать.

Миссис Хичкок заметила, что время взаправду летит неуловимо. Она пять лет не видела племянников и вряд ли признает их, увидев сейчас. Всего племянников, детей сестры, у нее трое: Рой, Буббер и Джон Уэсли. Джону Уэсли шесть лет, и он написал письмо «дорогой отушке». «Отушка», так ее, тетюшку, зовут племянники; ее муж для них — ядушка (то есть дядюшка).

— Думаете, вы спасены? — спросил Хейз.

Миссис Хичкок поправила воротничок.

— Думаете, вы спасены? — переспросил Хейз.

Зардевшись, миссис Хичкок помедлила, ответив после, дескать, да, она так считает и жизнь для нее — дар Божий. Потом поинтересовалась, не голоден ли Хейз и не составит ли он ей компанию в вагоне-ресторане.

Нацепив черную-пречерную шляпу, Хейз поднялся и последовал за миссис Хичкок.

В переполненный вагон-ресторан выстроилась порядочная очередь. Хейз и миссис Хичкок прождали своего времени полчаса, раскачиваясь в проходе и ежеминутно вжимаясь в стенки, дабы пропустить живой поток. Миссис Хичкок нашла собеседницу, тогда как Хейзел Моутс молча смотрел перед собой. Миссис Хичкок рассказывала о том, как ее зять работает в Управлении городским водопроводом, а женщина в ответ — о кузене, умирающем от рака гортани.

Наконец очередь подошла настолько близко к входу в ресторан, что стало видно, как внутри

официант рассаживает пассажиров за столики и раздает им меню. То был белый мужчина с набриолиненными черными волосами — под стать лоснящемуся черному костюму. Похожий на ворона, официант метался от столика к столику; когда он пригласил войти еще двоих, Хейз и миссис Хичкок с собеседницей придвинулись к самому входу. Наконец двое или трое человек вышли, освободив места, и миссис Хичкок с собеседницей прошли в ресторан. Хейз — за ними.

— Только двое, — оттолкнул его официант.

Хейз побагровел. Развернувшись, он протиснулся мимо мужчины, стоявшего за ним в очереди, и направился было обратно в свой вагон, однако в проходе столпилось слишком много народу. Никто не хотел уступать. Наконец из-за самого дальнего столика поднялась женщина, и официант махнул рукой, приглашая на ее место следующего. Хейз втиснулся в проход между столиками, по пути умудрившись упасть на два из них и обмакнуть руку в чей-то кофе. Официант усадил Хейза за столик с тремя молоденькими девицами, разодетыми в пух и прах.

Руки с острыми красными ноготками они держали на столе. Не снимая шляпы, Хейз сел и вытер руку о скатерть. Девыцы закончили трапезу и теперь, болтая, курили. Когда пришел Хейз, они умолкли. Официант стоял над душой, и Хейз ткнул пальцем в первое же блюдо в меню.

— Выпиши название, сынок, — сказал официант и подмигнул одной из девиц — та слегка хрюкнула.

Выписав название блюда, Хейз отдал меню официанту, и тот ушел.

Хейз мрачно и напряженно уставился на шею девицы напротив. Через равные промежутки времени точку, в которую смотрел Хейз, перекрывала рука с сигаретой: она шла вверх, затем вниз, пропала из виду, ложась на стол, а через секунду в лицо Хейзу била струя табачного дыма. Спустя три или четыре затяжки Хейз посмотрел девице в лицо — наглое, как у бойцового петушка, в маленькие глазки, нацеленные прямо на него.

— Если вы спасены, — произнес Хейз, — то мне такого спасения даром не надо.

Он отвернулся и посмотрел в окно — на свое бледное, полупрозрачное отражение, сквозь которое проступал вечерний пейзаж. Мимо, разрезая воздух, пронесся товарный состав, и одна из девиц захохотала.

— По-вашему, я верю в Иисуса? — наклонившись к ней, спросил Хейз еле слышно, как будто воздуха в легких совсем не осталось. — Я не уверовал бы в него, живи он на самом деле. Путешествуй он с нами в одном вагоне — и то не уверовал бы.

— Да кому нужна ваша вера? — спросила в ответ девица с ядовитым восточным выговором.

Хейз подался назад.

Официант принес ужин, и Хейз принялся за еду — поначалу неспешно, но постепенно набирая темп, а девицы смотрели, как ходят у него на скулах желваки. Заказал Хейз нечто с яйцами и печенкой; доев это блюдо и выпив кофе, он вынул из кармана деньги. Заметив наличность, официант,

однако, не поспешил принести счет. Каждый раз, проходя мимо, он подмигивал девицам и косился на Хейза. Миссис Хичкок с собеседницей давно уже поели и покинули вагон-ресторан. Когда наконец принесли счет, Хейз грубо сунул деньги официанту и протиснулся мимо него к выходу.

Задержавшись в тамбуре, где был какой-никакой свежий воздух, Хейз свернул себе самокрутку. Заметив проводника, он крикнул:

— Эй ты, Паррум!

Негр не остановился.

Хейз проследовал за ним. Все спальные места в вагоне уже были готовы. Билетер на вокзале продал Хейзу место в купе, сказав, что иначе придется ехать сидя всю ночь. Хейзу досталась верхняя полка. Стянув с нее вещевой мешок, он отправился в уборную и там переоделся. Сытый Хейз спешил принять лежащее положение — лечь и смотреть в окно, как мимо проносится ночной сельский пейзаж.

Знак в купе сообщал, что проводник должен помочь пассажиру забраться на полку. Закинув мешок наверх, Хейз выглянул в коридор в поисках черномазого. Не заметив его в одном конце вагона, Хейз пошел искать в другом. Свернув за угол, он наткнулся на нечто розовое и плотное — ахнув, оно пробубнило:

— Осторожнее!

Это была миссис Хичкок в розовом пеньюаре с волосами, убранными в узелки, которые обрамляли голову на манер темных жабьих камней.

Женщина посмотрела на Хейза с сильным прищуром и попыталась протиснуться мимо, а Хейз —